

На второй мировой поэзии

Саша Башлачев. 27 августа 1960 – 17 февраля 1988. Родился в Череповце. Учился в Свердловске. Жил в Ленинграде.

Когда он был в центре внимания – во время домашних концертов его напряжение исходило веселостью и лукавством. Он забавлял и забавлялся – дудел в папироску, пел по-английски с чудовищным произношением, шутил, смеялся.

Но когда звучали первые аккорды, его аккорды, когда все усаживались вокруг и затихали, он медленно обводил глазами присутствующих, глядя в глаза каждому, брался аккорд, – каждому, сзывая, – всех...

Звучал ритм, звенели колокольчики, – а он звал, звал, – услышать, соединял физически всех с собой, пока не наступил момент, когда нельзя уже было быть и жить отдельно, когда нельзя было отвести глаз и пошевелиться.

Ведь самым главным для него было, чтоб услышали. Самым страшным было, что не слышат. Слушают – и не слышат. Ведь слова его, каждое слово было зерном жизни, и он бросал их – не на ветер, а если и на ветер, то лишь на «хмельной ветер верной любви... Тут дело не ново – словить это слово. Ты снова и снова, и снова – лови!»

Он очень хотел, чтобы его понимали.

Кем он считал себя? Это очень сложный вопрос. Он был блистательно умен, глубоко образован. Прекрасно зная и чувствуя русский язык, проникая в его потаенные глубины, извлекая и приближая к нам богатства фольклора, он предпочитал говорить на сленге. И жить – нигде. Просто – в России.

«Я с детских лет не умею стоять в строю», – говорил он. «Психически здоров. Отвык и пить, и есть. Спасибо, Башлачев. Палата номер шесть». Эта автохарактеристика настолько тонка и хороша, как шутка, насколько и серьезна.

Но среди его немногочисленных лирических самоопределений есть формулировка, достойная отдельного большого разговора:

*На второй мировой поэзии
Признан годным и рядовым.*

Вторая мировая поэзия... Вторая – рядом с официальной, с завалами печатной продукции. Вторая мировая – снова и снова поднимающаяся, идущая к людям, держащая в руках гитару, рвущая сердца и гитарные струны. Вторая мировая поэзия – неизученная, неизданная, неведомая многим, а для многих – единственная.

Ее призыв – добровольный штрафбат. Люди, принимающие на себя вину – за все. Им дается высшая мера любви. Их имена известны... становятся потом.

17 февраля 1988 года Саши Башлачева не стало. Ему было двадцать семь.

Ему было двадцать семь, а он ушел сам. Для многих, знавших его, это было страшной неожиданностью и загадкой. Зачем? Почему? Сколько изумленных вопросов сквозь слезы...

Его знали веселым, озорным, забавным, беспечным и бесшабашным. Иногда он выглядел совсем ребенком. Любил развлечения, игры, на все неожиданное, неизвестное смотрел восторженными глазами, все время ожидая чего-то еще. «Здоровски!» – говорил он.

Но те, кто знал его ближе, те не раз видели в тех же лучащихся глазах страшное, невыносимое напряжение.

Он не вписывался ни в какое общество, хотя многие «держали его за своего», и знакомых, друзей-приятелей было у него очень мало. Многих вводили в заблуждение лукавая улыбка и детские вопросы. Его лики и личины – на выбор! – чаще оказывались ближе и понятнее окружающим, чем то, что так отчаянно и страшно открывалось, так рвалось наружу в его песнях... «Да наши песни – нам ли выбирать? Сбылось насквозь».

«Не верьте концу. Но не ждите иного расклада», – писал он. Те, кому довелось прикоснуться к его жизни и его песням, никогда уже не смогут поверить концу.

Его было слушать нелегко. Начинало болеть сердце.

Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.

Если хочешь – стихами грехи замолю.

Но объясни – я люблю от того, что болит,

Или это болит от того, что люблю?

Его нелегко было слушать. А ему – невозможно смириться со страшной мельницей нашей общей судьбы.

Чудовищная действительность, чудовищная реальность, в которой он жил, которую он видел («Мы строили замок, а выстроили сортир. Ошибка в проекте, но нам, как всегда, видней...»), судьба Ванюши и душа Егорки – «понапрасну вся прокопченная, нараспашку вся заключенная», – все это вызывало безмерную боль – до крика.

Трудно в пути. То там, то тут подлец завоет.

Но все впереди. На белом свете есть такое.

Что никогда не снилось нашим подлецам.

Освобождение приходит в слове и любви.

Альбом «Вечный пост», последний альбом, в сравнении с более ранними записями поражает покоем и светом.

В нем наиболее отчетливо и чисто звучит литургия Саши Башлачева. Литургия, не имеющая ничего общего с ортодоксальной религиозностью, но покоряющая и убеждающая светом истинной духовной высоты, знания и сострадания.

*Засучи мне, Господи, рукава,
Подари мне посох на верный путь.*

...Всё завещано. Путь пройден. Нам, тем, у кого он не пройден – данный нам путь, – страшно думать о том, что этот путь может быть пройден так быстро.

Он хорошо знал цену пройденному пути и своим песням. Это цена жизни. Все это отдано нам.
*Я знаю, зачем иду по земле.
Мне будет легко улетать.*

* * *

Вышла пластинка. Все больше становится людей, услышавших, требующих и пробующих рассказать о Башлачеве. Мы знаем его «Имя имен» – открывающим первый номер журнала «Знамя» за 1990 год. Вместе с радостью – невольная горечь и возмущение, а ведь еще в 1986-м... Но Сашин голос останавливает меня: «...Лихом в омут глядит битый век на мечях».

И я снова слышу его, узнаю и не могу не верить...

*В сито времен
бросит боль да былинку, чтоб
истиной к сроку взошла.*

Марина КУЛАКОВА